

Худякова Е. С. Компоненты этнической идентичности татар Пермского края (по данным спонтанных текстов) / Е. С. Худякова // Научный диалог. — 2020. — № 6. — С. 190—205. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-190-205.

Khudiakova, E. S. (2020). Components of Ethnic Identity of Tatars of Perm Territory (according to Spontaneous Texts). *Nauchnyi dialog*, 6: 190-205. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-190-205. (In Russ.).

УДК 81'42:159.923.2(=1.470=512.145)
DOI: 10.24224/2227-1295-2020-6-190-205

КОМПОНЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР ПЕРМСКОГО КРАЯ (ПО ДАННЫМ СПОНТАННЫХ ТЕКСТОВ)¹

© Худякова Екатерина Сергеевна (2020), orcid.org/0000-0002-2529-301X, ResearcherID I-5075-2018, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия), khudiakova.es@gmail.com.

Рассматривается вопрос отражения татарской этничности в спонтанных текстах. Уделяется внимание уровневой структуре этничности, предполагающей декларированный и «реальный» (категориальный) уровни. Новизна исследования заключается в сочетании социально-психологической методологии и методики лингвистического анализа спонтанного нарратива, позволяющей продемонстрировать слабоконтролируемые когнитивные категории, приписываемые информантами своему этносу. Показано, что декларативный компонент этничности в текстах татар Пермского края представлен структурированной системой этнонимов и их контекстных аналогов. Продemonстрировано, что эта структура имеет полевой характер и включает, помимо собственно этнического компонента, культурный, религиозный, локальный и микролокальный компоненты. Анализу подвергнута также «реальная» идентичность, нашедшая отражение в устойчиво предсказуемых категориях. Доказано, что данный уровень этничности татар однороден, поскольку включает малый набор категорий, реализуемых большинством информантов. К этому набору отнесены категории инаковости и старины / традиционности. Отмечается, что способ структурирования этноспецифичных категорий потенциально оппозитивен. Выявлено, что информанты-татары демонстрируют этничность, поддерживаемую системой инклюзивных компонентов, отражающих позитивную самоидентификацию. В результате доказано, что лингвистический анализ спонтанных текстов может выступать базой для сравнения разных типов этничности (в том числе татар, проживающих в разных регионах Российской Федерации).

Ключевые слова: этничность; когнитивный компонент этничности; этноспецифичные признаки; нарративный анализ; этностереотип.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

1. Компоненты этнической идентичности

Этническая идентичность, возникающая в результате «когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса», трактуется как определенная «степень отождествления себя с ним (этносом. — *Е. Х.*) и обособление от других этносов» [Иванова, 2011, с. 454]. При социально-психологическом подходе к изучению этнической идентичности вычленяют два ее компонента: когнитивно-категориальный и эмоциональный (аффективный).

Первый компонент этнической идентичности — когнитивный — «включает в себя этническую осведомленность, т. е. знания о своей и других этнических группах, этноним и соответствующие ему этнодифференцирующие признаки, а также этническую самоидентификацию (осознание этнической принадлежности). Знания о своей и других этнических группах включают в себя этнические установочные образования (стереотипы, предубеждения, предрассудки), т. е. представления о характерных чертах своего народа (автостереотипы), представления о других народах (гетеростереотипы), знания о происхождении и историческом прошлом членов этноса, этнической территории, религии, символике, экономике как элементах подсистем и сфер этнической культуры» [Иванова, 2011, с. 454].

Второй компонент — аффективный — характеризует эмоциональный комплекс при отнесении себя к группе: *п о з и т и в н ы й* — удовлетворенность членством в этнической общности, гордость за свой народ; *н е г а т и в н ы й* — отрицание своей этнической идентичности, предпочтение других групп [Иванова, 2011, с. 455].

В качестве методологического основания исследования выступает социологический конструктивизм, так как анализ лингвистического материала предполагает работу с когнитивными конструктами, а не «естественными» категориями. В соответствии с конструктивистским подходом Ф. Барт определяет этническую группу как народонаселение, во-первых, биологически самовоспроизводимое, во-вторых, разделяющее общие культурные ценности, реализованные в единстве культурных форм, в-третьих, образующее поле коммуникации, в-четвертых, конституирующее категорию, отличную от других категорий второго порядка (отличает «себя» от «чужих») [Барт, 2006, с. 11].

Одной из важнейших задач при исследовании идентичности становится изучение состава категорий, встроенных в структуру личности [Turner, 1988, p. 113]. Идентичность имеет когнитивный эффект: наши знания об объективном мире существуют в категориях, свойственных нашей ингруппе [Weedon, 2004, p. 13]. Кроме того, помимо исчисления самого набора

идентифицирующих и дифференцирующих категорий идентичности, требуется конструирование их иерархической системы, то есть их взаимной организации.

Так, в статье [Худякова, 2014] продемонстрировано, что дифференциация — это ключевой компонент организации категорий этнической идентичности у коми-пермяков Пермского края, и их этничность формулируется через систему оппозиций.

2. Методы исследования этнической идентичности

В настоящей статье мы поставили перед собой цель определить набор категорий, связанных с этничностью татар Пермского края, а также их структуру.

Для выявления общих идентичностных ориентаций обычно применяют метод интервьюирования, при этом информант порождает спонтанный монолог на заданную интервьюером тему «О себе». Реализуя данный жанр, информанты, как правило, выбирают стратегию автобиографического нарратива. В сфере социальной психологии нарратив рассматривается как средство самоозначивания (моделирования идентичности) [Giddens, 1991, p. 24].

Текстовые данные предоставляют необходимый материал для описания уровней личностной идентичности, выделяемых по степени выраженности: транслируемой (предъявляемой, прямо декларируемой) идентичности, реальной (связанной с устойчивыми категориальными блоками) и неосознаваемой, нерелективируемой, но отраженной в устойчиво используемых знаковых формах [Vrian, 2001, p. 2217].

Модифицируя эти уровни в качестве методических, можем предложить для анализа идентичности по текстовым данным методику, которая включает в себя моделирование идентичности на следующих уровнях:

- уровень деклараций — пропозиция «Я есть некто»,
- уровень категоризации — набор категорий, связанных с этничностью,
- уровень отбора и структурирования текстовых блоков, демонстрирующий структурирование категорий.

Таким образом, методом исследования является традиционный филологический анализ нарратива, в лингвистическом смысле предполагающий выделение частотных реализаций какой-либо категории и пропозициональный анализ высказываний, содержащих эти категории. Методика исследования предполагает семантический анализ для исчисления этноспецифичных категорий и семантико-синтаксический для установления их связи.

3. Татары Пермского края — этноязыковая характеристика

Согласно результатам всероссийской переписи населения 2002 года (к сожалению, в переписи 2010 года не была представлена информация о владении языками и национальном составе населения), татары — вторая по численности этническая группа в бывшей Пермской области (сейчас — Пермский край): 136,6 тыс. человек заявили о своей принадлежности к этой национальности [Всероссийская перепись ...].

Татары Пермского края не представляют этнокультурного единства. Так, в Бардымском районе, лежащем в бассейне р. Тулва (юг Пермского края), сформировался татарско-башкирский этнокультурный комплекс [Черных: Башкиры; Черных: Татары]. Вследствие постоянных контактов и исторически сложившихся связей двух народов, осевших на этой территории, здесь образовалась этнографическая группа — тулвинские татары и башкиры. В процессе переписи населения в Бардымском районе в 2002 году определили свою национальность как башкирскую более 16 тысяч человек, а как татарскую — 9 тысяч человек. Интересно, что 98 % башкир своим родным языком называли татарский.

В Ординском районе, расположенном на юго-востоке Пермского края, численность татарского населения составляет около 2,7 тысяч человек; в селе Карьёво, входящем в состав данной территории, проживает 969 человек, большинство из которых определяют свою национальную принадлежность как татарскую.

Сложная мозаика этногенеза складывается из множества компонентов: исследователи считают татар Пермского края потомками поволжских и западно-сибирских татар, башкир, болгар и кипчаков; у отдельных этнографических групп края (например, сылвенских и иренских татар) среди предков отмечается и финно-угорский компонент: марийцы, удмурты, манси [Чагин, 2002]. Разнообразие этнических общностей, сыгравших роль в формировании характерных черт языка татар Пермского края, обусловило интерес ученых к исследованию его диалектных особенностей. Д. Б. Рамазанова и А. В. Черных делают выводы о том, что родной язык прикамских татар является средним диалектом татарского языка [Рамазанова, 1996; Черных: Башкиры; Черных: Татары].

Наше исследование базируется на материалах, собранных в Ординском районе Пермского края — территории традиционного проживания татарского населения с достаточно гомогенной этничностью (в отличие от Бардымского района). Материалом исследования выступили 23 текста билингов-татар, жителей с. Карьёво Ординского района Пермского края (общий объем текстов составляет 13524 словоформы). М а т е р и а л п р е д с т а в л

лен в звучащей хрестоматии [Русская спонтанная речь ..., 2012]. В скобках после примеров указаны пол, возраст и уровень образования информанта.

4. Компоненты татарской этничности: социологические исследования

В социологических работах авторы, изучающие этническую идентичность, рассматривают комплекс ее компонентов: отнесение себя к этнической общности и значимость для индивида подобной самоидентификации, факторы (социальные, культурные, политические) поддержки этничности, авто- и экзостереотипы, а также ценностные установки представителей этноса. Рассмотрим компоненты, формирующие татарскую этничность.

Согласно исследованиям Г. И. Макаровой, проведенным в Республике Татарстан, этническая идентичность татар весьма устойчива и имеет высокий запас прочности. Большинство опрошенных отмечали несомненную ценность татарской этничности в системе характеристик личности: «Среди татар только единицы признавали, что национальность не имеет для них значения. Здесь, по сравнению с русскими, было больше гордящихся своей этнической “принадлежностью”» [Макарова, 2010, с. 75].

Социологические опросы в Татарстане позволили провести сравнение татарской и русской этничностей (декларируемых). Результаты показали, что этничность городских и сельских жителей русской национальности выражена не так ярко, как у татар: только 44 % городских и 50,9 % сельских жителей-русских сообщили, что «никогда не забывают о своей национальности», в то же время о значимости своей принадлежности к татарской национальности заявили 58,7 % городских и 75,8 % сельских жителей-татар [Макарова, 2011, с. 73].

Проведенные в Татарстане исследования установили ключевые факторы поддержания татарской этнической идентичности: среди социобиологических факторов первостепенное значение имеют место жительства (село) и возраст (старший) [Макарова, 2010, с. 75], а в числе важнейших внешних факторов подкрепления этничности — ислам и существование образования на татарском языке [Макарова, 2010, с. 76].

Влияние религии на формирование этнической идентичности не вызывает сомнений, о связи и взаимовлиянии религиозной и этнической идентичностей говорят все авторы, исследующие данный вопрос [Габдрахманова, 2016; Макарова, 2010; Сагитова, 1998; Wertheim, 2005]: «Интервью показали, что для повседневного общения населения Татарстана сегодня характерна свободная подмена терминов “татарин” — “мусульманин”,

“русский” — “православный”. Некоторые татары сознательно употребляют понятие “этнический мусульманин”» [Макарова, 2010, с. 75—76].

Еще один значимый компонент, подкрепляющий татарскую этничность, — язык [Габдрахманова, 2016, с. 30]. Однако, как замечает Г. Ф. Габдрахманова, «сегодня в отдельных российских регионах, как показывают материалы Всероссийских переписей населения, лишь половина и даже только треть» владеют татарским языком [Габдрахманова, 2016, с. 30]; то есть в современных условиях происходит трансформация роли языка в поддержании татарской этничности (прежде всего для татар-горожан) — ценность языка становится декларируемой.

Согласно исследованиям, татары Республики Татарстан в качестве наиболее значимых культурных символов (это еще один компонент поддержки этнической идентичности) называют историю этноса (от Булгарии до Казанского царства) [Габдрахманова, 2016, с. 32; Сагитова, 1998, с. 53]. В то же время анализ наших данных показывает, что в Пермском крае татары из комплекса культурных символов чаще выбирают традиционные национальные праздники, а не события истории татарского народа.

Обратимся к авто- и экзостереотипам, бытующим среди татар. Л. В. Сагитова, проанализировав материалы региональной прессы Татарстана, следующим образом сформулировала автостереотипы, существующие среди татар: «С одной стороны, татары: трудолюбивые и чистоплотные; склонные к индивидуализму; нация, имеющая древнее происхождение; нация, имевшая высокий уровень грамотности и развитости национальной культуры; народ, сохранивший чувство государственности и исторической правоты. С другой стороны, татары: народ с рабской психологией, покорный завоевателям; народ, равнодушный к своей судьбе; народ без чувства солидарности и взаимовыручки» [Сагитова, 1998, с. 128]. Среди экзостереотипов, сложившихся у татар о представителях русского этноса, исследователь указывает лень и пьянство [Сагитова, 1998, с. 127].

В социологии общепринято мнение, что факт существования таких стереотипов — это один из базовых компонентов этнической идентичности. Однако Р. С. Хакимов замечает: «Позитивная идентичность — это осознанная общность без жесткого противопоставления “мы” — “они”. Негативная же идентичность — это консолидация общности “мы” на основе тотальной оппозиции “чужим”. В этом случае общность “мы” возникает и существует преимущественно благодаря жесткому противостоянию с “чужими”. Отсюда относительная неустойчивость негативной идентичности: с размыванием негативного образа “чужих” исчезает и фундамент такой идентичности» [Хакимов, 2017, с. 15].

Этнические ценностные установки являются неотъемлемой частью общей системы ценностных установок личности: ценностная установка «фиксирует факт социальной и психологической самобытности определенного этноса и его отличия от других аналогичных общностей и предполагает единство всех членов определенного этноса, объединенных общими идеями» [Файзуллин, 2008]. Причем социально-психологические ценности и установки, связывающие представителей одного этноса, закрепляются в языке: «Большинство социально детерминированных ценностей имеет стандартное вербальное выражение в естественных языках. Более того, можно утверждать, что ценностные концепты не могут быть эксплицитно репрезентированы в иной форме, нежели языковой» [Шабес, 2011, с. 64].

По данным, полученным этнографами и социологами, для татар наибольшее значение имеют религиозные ценности — их выбрали 53 % информантов, второе место занимает здоровье (43 %), на третьем — счастливая семейная жизнь (41,5 %), наконец, знания важны для 26 % представителей данных групп [Гарипов и др., 2011, с. 127]. В статье Р. М. Шамионова и Е. Е. Бочаровой отмечается преобладание у татар ценностей «интересная работа» и «материально-обеспеченная жизнь» [Шамионов и др., 2008]. Обобщив выводы социологов, можно заключить, что структура важнейших ценностей татарской этнической группы выглядит следующим образом: религиозные воззрения, позитивные отношения с социальным окружением, прочные узы, связывающие членов семьи, материальное благосостояние, физическая крепость и здоровье. И. Г. Комарова [Комарова, 2009, с. 162] формулирует схожую иерархию ценностных установок татар Томской области: родственные отношения, религия, язык. Можно предположить, что установленные авторами ценностные ориентации относительно константны и соотносятся с этнической и религиозной идентичностью татар.

5. Этничность татар Пермского края: компоненты идентичности

Перейдем к анализу этничности татар Пермского края в соответствии с компонентами идентичности: декларируемой, «реальной» и нерефлектируемой.

В проанализированных нами текстах прямые предикативные номинации, отражающие национальную принадлежность говорящего (по типу «я есть некто»), отсутствуют. При этом употребление этнонимов (или их контекстуальных аналогов) весьма частотно. Следовательно, собственная этническая идентичность для татар самоочевидна и не требует прямого речевого выражения. Наиболее активно используемая номинация — ин-

кклюзивное местоимение *мы* (18 случаев), что свидетельствует о полном осознании и принятии своей групповой национальной принадлежности. Вторая по частотности употребления единица — этноним *татары* (11). Выводы исследователей национальной идентичности татар о важности религии в формировании этничности (а в 19 столетии данный этноним характеризовал преимущественно конфессиональную принадлежность) подтверждаются и анализом нашего материала — третье место по частоте реализации занимает номинация, отражающая приверженность к исламской религии (4): *У нас-с / у мусульман / один раз в год / держат пост / ураза* // (ж, 53, ср.); *По-особенн(о)м(у) / у мусульман проходят свадьбы / проводы* // *Сабантуу* // *Корбан бэйрәме / Ураза бэйрәме* // (ж, 14).

Также использовалась номинация *мы, мусульмане*, поскольку религиозная и этническая принадлежность объединены отношениями подчинения и включения. Отметим, что в сознании некоторых наших информантов религиозная идентичность является стержневой по отношению к национальной: *Праздник Нәүрүз / это национальный праздник* // *Э-э / он / э-э / в основном / как / про- / проводится у мусульман* // *Татары тоже мусульмане / хотя они живут они там / на-а / э-э Востоке / и-и Аз- / э / ни-и / и в Азии / всё равно-о / как / проводится национальный праздник* // (ж, 51, ср.).

Обратим внимание на упоминание локуса — «исконного», по мнению информанта, места проживания татарского этноса — Азии (3 случая реализации). Возможно, в сознании респондента Азия — это также и культурный ориентир: как отмечает Л. В. Сагитова, в среде татарских интеллектуалов еще в 19 столетии развернулась дискуссия о предпочтительной культурной ориентации — на Восток, систему ценностей которого представляли арабоязычные мусульманские страны, или на Запад — Европу (включающую в себя Россию и Турцию) [Сагитова, 1998, с. 50]. Судя по нашим данным, в наивном языковом сознании татар среднего возраста этот спор уже разрешен в пользу Азии: *Я вот думаю / они может быть устраивали / Нәүрүз бэйрәме / в это время* // *Время / равно- э-деньствия / двадцать первого марта / проводили же / э-э / азиатские народы* // (ж, 40, выс.).

Общность этнической группы демонстрируется употреблением единиц *татарский народ* (4 случая реализации), *народный* и *народ* (по 1 случаю), а также частотным использованием отсубстантивного прилагательного *национальный* (10 реализаций). Очевидно, что для наивно-языкового сознания разница в понятиях «национальность» и «народ» значения не имеет. Нам встретились и отдельные малочастотные единицы, фиксирующие элементы этнической идентичности. Так, проживание в сельской местности выступает одним из атрибутов принадлежности к татарскому

этносу (4 случая номинации *жители села* и 1 — *односельчане*); в 1 случае была упомянута субэтничность с указанием на конкретное место проживания — *кунгурские татары*: *У кунгурских татар у нас // Э-э / у нас поминки / проходят / без / спиртного //* (м, 71, нач.). Еще в одном случае (ж, 43, ср.) локальная групповая идентичность определена номинацией *мы с соседями* — общность даже более атомарная, чем сельская. Наконец, встретившаяся нам в одном случае номинация *татары и башкиры* также сопряжена с осмыслением места татар на пестрой этнической карте Пермского края (а возможно, и с этногенезом): *Сабантуй / это-а / народный праздник / у татар и башкир //* (ж, 29, ср.).

Названные единицы фиксировались в речи информантов всех возрастных групп. Исключение составила лишь одна молодая респондентка, использовавшая надэтническую, общенациональную номинацию (*как у всех людей*) во время рассказа о современной свадьбе: *Потом происходит регистрация // Обычно в ЗАГСе // И-и // Обычный банкет / как у-у / у всех / людей //* (ж, 21, неок. выс.).

Таким образом, этнонимы (или их контекстные варианты) демонстрируют полевую структуру: «азиаты» — «мусульмане» — «татары» — «сельчане» — «мы с соседями», включающую, помимо собственно компонентов этничности, культурную, религиозную и локальную идентификацию.

Категориальный — по предиктируемым этносу когнитивным категориям — блок идентичности в татарских текстах представлен очень однородно (что отражает значение данного когнитивного слоя этничности). В текстах лишь два раза возникает оппозиция «русский» / «татарин». Уточним, что эти единицы противопоставляются с конфессиональной точки зрения (то есть, скорее, «православный» / «мусульманин»), и это иллюстрирует бесспорную тождественность татарской и религиозной идентичностей в сознании наших респондентов. В высказываниях татар, в отличие от текстов коми-пермяков, где противопоставление «коми-пермяк» / «русский» многомерно, охватывает целый ряд категорий и носит оценочный характер, оппозиция «татарин» / «русский» не имеет оценочной маркированности — в монологах наших информантов просто отмечается инаковость мусульманских и православных религиозных практик или приводится аналогия, чтобы нагляднее описать русской аудитории смысл обычая: *И отвечает пе- / это / перед / как / русским это богом //* *А у нас / перед Аллахом / (смех) / отвечаешь за э / за себя //* (ж, 46, ср.); *Ир кешене / н-не русского / а-а / татарина / мужика / моешь три раза //* (м, 64, выс.).

Отношение к оппозиции «татарин» / «русский» у татар разных регионов России отличается, и иногда резко. Так, опросы, проведенные среди

татар Казани, показали, что данное противопоставление имеет для них достаточно напряженный и эмоциональный характер. Для пермских татар, как видим, противопоставление русским не является основным, базисным фактором при определении своей идентичности, эта оппозиция не имеет для них негативной установки. Впрочем, эта гипотеза требует подтверждения — необходимо изучение материала от более широкой выборки информантов.

Отметим также необычную структуру категории инаковости татарской культуры — она потенциально оппозиторна, но безобъектна. Употребление единиц *своя* и *особенная* (встретилось в 3 текстах) подчеркивает самобытность их культуры (то есть татары «по умолчанию» противопоставлены остальным этносам): *ес(т)ь / э у татарского народа / этот / с-с / свой вид борьбы* // (м, 37, выс.).

Еще более значима при формировании этнической идентичности, судя по количеству реализаций (13), временная оппозиция «тогда», «в старину» / «сейчас»: первому компоненту (прошлому, которое обладает несомненной положительной оценочностью — ведь это вековые устои и традиционные ценности предков) противопоставляется современность. При этом логичным было бы наличие антонимичных оценочных предикатов для *сейчас* (*неправильно, ненормативно*), но в высказываниях наших информантов они отсутствуют, по их мнению, сейчас народные традиции сохраняются (нам встретилось 3 случая использования соответствующего глагола), в них привносятся актуальные нововведения: *Конные скачки у нас подразделяются / э-э / ы / э-э / раньше подразделялись э-э / на-а две категории / а щас / на три категории / подразделяются* // *Раньше / э / ка- / это были / как бы / рабочие лошади там / скакали / как бы* // <...> *Это тоже ес(т)ь у нас / и сохраняется / но-о / э теперешней интер(пре)та- -тации у нас ещё добавляются / с-с / так сказать / э-э / спортивные лошади / которые специально / э-э / занимаются / ну к- / они-и / э / как бы ид- / третьим заездом* // *Отдельно / от / рабочих там / от сельских лошадей* //; *Потому что в те времена / спонсоров э-э / там / э не было* // *Праздник / э / народ / э / сам / себя спонсировал / и-и / сде- / делал* // *Ну / а-а / в теперешней тут / интерпретации э-э / этот праздник как бы / э-э / идёт э-э / там со спонсорами и-и / и всякое такое / но сбор подарков у нас всё ещё э / в сёлах э-э / сохраняется* // (м, 37, выс.); *Раньше участвовали только колхозные / как называемые колхозные лош- / лошади* // *Потому что рабочие были* // *Их прадаз- / подразделяли на скаковые / и-и э-э / рабочие* // *А щас / скаковые ещё появились* // *Импа- / ипподромовские мы называем их* // *Ну щас / нас- настоящее время / пошло уже-е... //*

*Тожэ традиция // Есть ужэ / волейбол // Там ужэ команды / участвуют // С-собирают / по селам / команды // (м, 41, ср.); Н / н // **Нынче / щас** вот / нет такого // **А раньше** / когда вот... // **Щас** вот / у нас канализа- / э-э / как / колонки / вот да / по всем улицам // А раньше же как / колодцев / э / поблизости / э-э / дома не было // (ж, 42, ср.-сп.); И им такой же обычай / по обычаю // **П- / хоть / старинному** / но все равно / **не забываем** // **Это у нас осталось от бабушек / от дедушек** // **Мы не забываем своих это...** // Обычаи / или как называется? / Не обычаи? // Или? // Традицию // М-м / никто у нас так не забывается // **Ну у нас все по- / по-старинному идёт / как-то** // **У нас и-и / бабушки также / играли** / так же вот / свадьбы проходили / и **никах туй** так же // А мы **щас** эт(о) / все / пошло ужэ / этот самое // У нас в деревне уж(е) такое // (смех) // Такой обычай // Такое это // **Ы / ы** // «Мы соблюдаем обычаю» // **Вот / мы тожэ / соблюдаем обычай** // **По-старинному** // **Не забываем** что / у-э / (смех) / нашу традицию // (ж, 46, ср.).*

Встретившиеся в наших интервью автостереотипы (выступающие еще одним компонентом этничности) немногочисленны — представлены лишь у трех информантов, — но разнообразны. В первом тексте в высказывании респондента используется положительный автостереотип, причем выраженный паравербально (с оттенком иронии): **Ы как бы татары / ну такой / добрый народ** // Они / (смех) / говорили / вот // **Вот мой баран** // Я его отдаю-у / для наездника самой / по- / последней лошади // То есть если-и / вот / самая последняя лошадь приходила / его / н- не кидали там / не обижали / а ему вот / вот именно барана за- / давали // (ж, 30, выс.).

Во втором случае информант с помощью таксона «как в старину» реализует поведенческий позитивный автостереотип: **И в го-оре / и в радости / мы стараемся петь** // **И на душе легче становится-а** // **На свадьбах / дне рожде- ени(я) / это испокон веко-ов** // (ж, 53, нач.).

В монологе третьего информанта (молодой женщины) использован автостереотип, содержащий компоненты взаимодействия с другими народами и самобытности татарской культуры; точнее было бы назвать его когнитивным конструктом о формировании этничности: **Тц / несмотря на-а / а / тесную взаимосвязь / с другими / национальностями / наша культура / э / сумела сохранить / свои особенности** // (ж, 21, неок.выс.).

В отличие от коми-пермяков, в интервью которых достаточно частотны единицы, относящиеся к национальному языку, у информантов-татар аналогичных номинаций не встречается (возможно, на это повлияли отличия в методике сбора материала). Вместе с тем отметим, что у 19 из 22 респондентов было зафиксировано переключение кодов с русского на татар-

ский. Хотя факт употребления татарского языка прямо и не подтверждает его значимость в поддержании этнической идентичности, тем не менее, это свидетельствует о его актуальности в сознании наших информантов.

6. Заключение

Проведенный анализ собранного материала позволяет заключить, что наши информанты-татары в полной мере обладают этнической идентичностью. Лингвистический анализ позволяет установить специфику когнитивной базы этнической идентичности для конкретного этноса. Так, для татар Пермского края наиболее мощным является уровень декларируемой (выражаемой) идентичности, фиксируемой с помощью этнонимов и их контекстуальных аналогов. По данным спонтанных текстов татар-жителей Ордынского района Пермского края, этнонимы образуют полевую структуру, включающую компоненты культурной ориентации («Азия»), религиозную идентичность («мусульманин»), собственно этничность («мы, татары»), локальную («сельчане») и микролокальную («мы с соседями») идентичности. Заметим, что у коми-пермяков Пермского края декларируемая идентичность представлена только двумя неструктурированными этнонимами — *коми-пермяк* и *пермяк* [Худякова, 2014]. Преобладание декларируемых компонентов при спонтанном текстопорождении, затрудняющем планирование и сознательный отбор реализуемых текстовых блоков, демонстрирует позитивный оценочный компонент этничности татар.

Категориальный уровень этничности татар представлен оппозицией «татарин» / «русский», которая включена в более широкую — «мусульманин» / «православный». Однако она, в отличие от данной оппозиции для татар Республики Татарстан, не является частотной и негативно окрашенной.

Вторые компоненты этничности — категория «старины» и «современности», «тогда» и «сейчас», потенциально оппозитивные (что в полной мере представлено у коми-пермяков), — у татар Пермского края не противопоставлены: подчеркивается сохранение старины, традиционности и в настоящее время.

Наконец, также потенциально оппозиторна категория инаковости, своеобразия татарской культуры, однако снова противопоставление «мы» и «они» не реализовано в текстах («татары просто иные»).

Категориальный уровень этничности татар, таким образом, однороден (включает малый набор категорий, но реализуемых большинством информантов) и неоппозитивен: они не стремятся противопоставлять себя другим этносам на основании уникальности каких-либо характеристик (признаков), отмечают свою инаковость и сохранение традиций как цен-

ность, то есть это именно этноспецифичные, а не этнодифференциальные признаки.

Автостереотипы представлены в исследованных текстах слабо, однако все они — исключительно позитивные.

Структурированность этничности позволяет сравнивать ее варианты реализации у разных этносов или субэтносов. Так, у коми-пермяков практически отсутствует декларируемый компонент, а категориальный представляет собой многоуровневую систему оппозиций. У татар же самый частотный компонент этничности — декларируемый, именно он структурирован; категориальный же компонент однороден и лишь потенциально оппозитивен.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-412-590001 “Variation of a regional electorate: territorial, social and cognitive aspects” / Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

Источники

1. *Русская* спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края : Ординский район : звучащая хрестоматия / науч. ред. Т. И. Ерофеева. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. — 124 с.
2. *Всероссийская* перепись населения 2002 года [Электронный ресурс] : сайт. — Режим доступа : <http://perepis2002.ru>.
3. Черных : Башкиры — *Черных А. В.* Башкиры [Электронный ресурс] / А. В. Черных // Пермский край : энциклопедия. — Режим доступа : <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803857124&idParentObject=1803750728>.
4. Черных : Татары — *Черных А. В.* Татары [Электронный ресурс] / А. В. Черных // Пермский край : энциклопедия. — Режим доступа : <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803792510&idParentObject=1803750728>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Ф.* Введение / Ф. Барт // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий : сборник статей / под ред. Ф. Барта. — Москва : Новое издательство, 2006. — С. 9—48.
2. *Габдрахманова Г. Ф.* Об особенностях этнической идентичности татар / Г. Ф. Габдрахманова // Историческая этнология. — 2016. — Т. 1, № 1. — С. 27—38.
3. *Гарипов Я. З.* Мусульманская молодежь Татарстана : конфессиональная социализация и ценностные ориентации / Я. З. Гарипов, Р. В. Нурулина // Социологические исследования. — 2011. — № 8. — С. 123—131.
4. *Иванова Н. В.* Этническая идентичность и особенности ее формирования в полиэтнической городской среде / Н. В. Иванова // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании : к 70-летию академика В. А. Тишкова. — Москва : Наука, 2011. — С. 454—468.

5. *Комарова И. Г.* Уровни и типы этнической идентичности татар Томской области / И. Г. Комарова // Вестник Томского государственного университета. Серия, Философия. Социология. Политология. — 2009. — № 1 (5). — С. 161—172.
6. *Макарова Г. И.* Культурная составляющая современных этнических идентичностей татар и русских в Республике Татарстан (по материалам полужформализованных интервью) / Г. И. Макарова // Вопросы культурологии. — 2010. — № 3. — С. 73—78.
7. *Макарова Г. И.* Динамика российской, региональной и этнических идентичностей в Татарстане / Г. И. Макарова // Социологические исследования. — 2011. — № 5. — С. 71—77.
8. *Рамазанова Д. Б.* К истории формирования говора пермских татар / Д. Б. Рамазанова. — Казань : ИЯЛИ, 1996. — 236 с.
9. *Сагитова Л. В.* Этничность в современном Татарстане / Л. В. Сагитова. — Казань : Татарполиграф, 1998. — 184 с.
10. *Файзуллин Ф. С.* Национальные ценности как фактор сохранения этноса в условиях глобализации [Электронный ресурс] / Ф. С. Файзуллин // Социология и общество: проблемы и пути взаимодействия : материалы III Всероссийского социологического конгресса. — Москва, 2008. — Режим доступа : http://www.isras.ru/abstract_bank/1208317996.pdf.
11. *Хакимов Р. С.* Татарская идентичность : состояние и перспективы / Р. С. Хакимов // Историческая этнология. — 2017. — Том 2, № 1. — С. 6—27.
12. *Худякова Е. С.* Идентичность коми-пермяков как система оппозиций / Е. С. Худякова // Вестник Пермского университета. Серия, Российская и зарубежная филология. — 2014. — Вып. 4 (28). — С. 80—85.
13. *Чагин Г. Н.* Народы и культуры Урала в XIX—XX вв. / Г. Н. Чагин. — Екатеринбург : Сократ, 2002. — 296 с.
14. *Шабес В. Я.* Континуально-дискретная организация ценностных концептов / В. Я. Шабес // Проблемы социо- и психолингвистики : сборник статей / отв. ред. Е. В. Ерофеева. — Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2011. — Вып. 15. Пермская социопсихолингвистическая школа : идеи трех поколений : к 70-летию А. С. Штерн. — С. 46—74.
15. *Шамионов Р. М.* Ценностные ориентации и удовлетворенность жизнью некоторых этносов Саратовского Поволжья [Электронный ресурс] / Р. М. Шамионов, Е. Е. Бочарова // Проблемы социальной психологии личности. — Саратов, 2008. — Режим доступа : http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30284_full.shtml.
16. *Giddens A.* Modernity and Self Identity / A. Giddens. — Stanford : Stanford University Press, 1991. — 264 p.
17. *Turner J. C.* Comments on Doise's Individual and Social Identities in intergroup relations / J. C. Turner // European Journal of Social Psychology. — 1988. — Vol. 18. — P. 113—116.
18. *Vrian K.* Identity : Social Psychological aspects / K. Vrian // Concise encyclopedia of sociolinguistics / R. Mesthrie (ed.). — Oxford : Elsevier, 2001. — P. 2216—2219.
19. *Weedon Ch.* Identity and Culture : Narratives of difference and belonging / Ch. Weedon. — NY, Maidenhead : Open University Press, 2004. — 144 p.
20. *Wertheim S.* Islam and the construction of Tatar sociolinguistic identity / S. Wertheim // Religion and Identity in Modern Russia : The Revival of Orthodoxy and Islam / J. Johnson, M. Stepaniants, B. Forest (eds). — London : Routledge, 2005. — P. 106—123.

COMPONENTS OF ETHNIC IDENTITY OF TATARS OF PERM TERRITORY (ACCORDING TO SPONTANEOUS TEXTS)¹

© Ekaterina S. Khudiakova (2020), orcid.org/0000-0002-2529-301X, ResearcherID I-5075-2018, PhD in Philology, associate professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Perm State National Research University” (Perm, Russia), khudiakova.es@gmail.com.

The question of the reflection of Tatar ethnicity in spontaneous texts is considered. Attention is paid to the level structure of ethnicity, which assumes the declared and “real” (categorical) levels. The novelty of the study lies in the combination of socio-psychological methodology and the method of linguistic analysis of spontaneous narrative, which allows us to demonstrate poorly controlled cognitive categories attributed by informants to their ethnic group. It is shown that the declarative component of ethnicity in the texts of the Tatars of the Perm Territory is represented by a structured system of ethnonyms and their contextual analogues. It has been demonstrated that this structure has a field character and includes, in addition to the ethnic component itself, cultural, religious, local and microlocal components. The “real” identity was also analyzed, which was reflected in stably predicted categories. It is proved that this level of ethnicity of the Tatars is homogeneous, since it includes a small set of categories implemented by most informants. This set includes the category of otherisation and antiquity / tradition. It is noted that the method of structuring ethnically specific categories is potentially opposed. It was revealed that Tatar informants demonstrate ethnicity, supported by a system of inclusive components that reflect positive self-identification. As a result, it was proved that linguistic analysis of spontaneous texts can serve as a basis for comparing different types of ethnicity (including Tatars living in different regions of the Russian Federation).

Key words: ethnicity; cognitive component of ethnicity; ethnically specific signs; narrative analysis; ethnic stereotype.

MATERIAL RESOURCES

erofeeva, T. I. (ed.). (2012). *Russkaya spontannaya rech tataroyazychnykh bilingvov Permskogo kraja: Ordinskiy rayon: zvuchashchaya khrestomatiya*. Perm: Permskiy gosudarstvennyy natsionalnyy issledovatel'skiy universitet. (In Russ.).
Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 goda: sayt. Available at: <http://perepis2002.ru>. (In Russ.).

REFERENCES

- bart, F. (2006). Vvedeniye In: Barta, F. (ed.). *Etnicheskiye gruppy i sotsialnyye granitsy. Sotsialnaya organizatsiya kulturnykh razlichiy: sbornik statey*. Moskva: Novoye izdatel'stvo. 9—48. (In Russ.).
Chagin, G. N. (2002). *Narody i kul'tury Urala v XIX—XX vv.* Yekaterinburg: Sokrat. (In Russ.).
Chernykh, A. V. Bashkiry. In: *Permskiy kray: entsiklopediya*. Available at: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803857124&idParentObject=1803750728>. (In Russ.).
Chernykh, A. V. Tatars. In: *Permskiy kray: entsiklopediya*. Available at: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803792510&idParentObject=1803750728>. (In Russ.).

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-412-590001 “Variation of a regional electorate: territorial, social and cognitive aspects”.

- Fayzullin, F. S. (2008). Natsionalnyye tsennosti kak faktor sokhraneniya etnosa v usloviyakh globalizatsii. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: problemy i puti vzaimodeystviya*. Moskva. Available at: http://www.isras.ru/abstract_bank/1208317996.pdf. (In Russ.).
- Gabdrakhmanova, G. F. (2016.). Ob osobennostyakh etnicheskoy identichnosti tatar. *Istoricheskaya etnologiya*, 1/1: 27—38. (In Russ.).
- Garipov, Ya. Z., Nurulina, R. V. (2011). Musul'manskaya molodezh Tatarstana: konfessional'naya sotsializatsiya i tsennostnyye orientatsii. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 8: 123—131. (In Russ.).
- Giddens, A. (1991). *Modernity and Self Identity*. Stanford: Stanford University Press.
- Ivanova, N. V. (2011). Etnicheskaya identichnost' i osobennosti ee formirovaniya v politnicheskoy gorodskoy srede. In: *Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akademika V. A. Tishkova*. Moskva: Nauka. 454—468. (In Russ.).
- Khakimov, R. S. (2017). Tatarskaya identichnost': sostoyaniye i perspektivy. *Istoricheskaya etnologiya*, 2/1: 6—27. (In Russ.).
- Khudyakova, E. S. (2014.). Identichnost' komi-permyakov kak sistema oppozitsiy. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya, Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 4 (28): 80—85. (In Russ.).
- Komarova, I. G. (2009). Urovni i tipy etnicheskoy identichnosti tatar Tomskey oblasti. *Vestnik Tomskey gosudarstvennoy universiteta. Seriya, Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 1 (5): 161—172. (In Russ.).
- Makarova, G. I. (2010). Kulturnaya sostavlyayushchaya sovremennykh etnicheskikh identichnostey tatar i russkikh v Respublike Tatarstan (po materialam poluformalizovannykh intervyyu). *Voprosy kulturologii*, 3: 73—78. (In Russ.).
- Makarova, G. I. (2011). Dinamika rossiyskoy, regionalnoy i etnicheskikh identichnostey v Tatarstane. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 5: 71—77. (In Russ.).
- Ramazanova, D. B. (1996). *K istorii formirovaniya govora permskikh tatar*. Kazan': IYaLI. (In Russ.).
- Sagitova, L. V. (1998.). *Etnichnost' v sovremennom Tatarstane*. Kazan': Tatpoligraf. (In Russ.).
- Shabes, V. Ya. (2011). Kontinualno-diskretnaya organizatsiya tsennostnykh kontseptov. In: Erofeeva, E. V. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki: sbornik statey*, 15. *Permskaya sotsiopsikholingvisticheskaya shkola: idei trekh pokoleniy: k 70-letiyu A. S. Shtern*. Perm: Permskiy gosudarstvennyy natsionalnyy issledovatel'skiy universitet. 46—74. (In Russ.).
- Shamionov, R. M., Bocharova, E. E. (2008). Tsennostnyye orientatsii i udovletvorennost' zhiznyu nekotorykh etnosov Saratovskogo Povolzhya. In: *Problemy sotsialnoy psikhologii lichnosti. Saratov*. Available at: http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30284_full.shtml. (In Russ.).
- Turner, J. C. (1988). Comments on Doise's Individual and Social Identities in intergroup relations. *European Journal of Social Psychology*, 18: 113—116.
- Vrian, K. (2001). Identity: Social Psychological aspects. In: Mesthrie, R. (ed.). *Concise encyclopedia of sociolinguistics*. Oxford: Elsevier. 2216—2219.
- Weedon, Ch. (2004). *Identity and Culture: Narratives of difference and belonging*. NY, Maidenhead: Open University Press.
- Wertheim, S. (2005). Islam and the construction of Tatar sociolinguistic identity. In: Johnson, J., Stepaniants, M., Forest, B. *Religion and Identity in Modern Russia: The Revival of Orthodoxy and Islam*. London: Routledge. 106—123.